

© 2014 г. Ю.А. ЛАНДЕР

ТИПОЛОГИЯ НЕМАРКИРОВАННОГО КЛАУЗАЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ: ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В статье на материале ряда языков рассматриваются относительные конструкции с немаркированным подчинением – конструкции, в которых отсутствуют маркеры, непосредственно выражающие зависимый статус относительного предложения. Подробно обсуждаются проблемы, возникающие при выделении такого класса. Особое внимание уделено средствам, которые имплицитно информируют о подчинении, а также вопросу о возникновении относительных конструкций с немаркированным подчинением.

Ключевые слова: полипредикативные конструкции, относительные конструкции, немаркированное подчинение, удинский язык

The paper discusses a kind of relative constructions without dedicated markers of subordination. The author focuses on the problems related to their differentiation from other patterns, the grammatical means that may imply subordination without expressing it directly and touches upon the diachronic issues concerning unmarked relatives.

Keywords: complex sentences, relative constructions, unmarked subordination, Udi

1. ВВЕДЕНИЕ

Принципиальным параметром описания подчинительных полипредикативных конструкций является наличие/отсутствие формального сегментного маркирования подчиненного синтаксического статуса одной из предикаций. Так, в примере (1)¹ из языка моговк подчиненная предикация 'кто-нибудь заплатит квотер' не маркируется как сентенциальный актант, хотя и объединяется с главным предикатом 'необходимо' интонационно [Mithun 2010], в то время как в его русском переводе сентенциальный актант маркируется союзом *чтобы*:

Моговк (ирокезская семья)

- (1) Entà: 'on eniekária'ke' teréntsho.
w-enta'-on [en-ie-karia'k-e' terentscho]
N-необходимо-STAT FUT-INDEF.A-платить-PRF квотер
'Нужно, чтобы кто-нибудь заплатил квотер' [Mithun 2010: 24].

* Работа основана на одной из частей исследования [Ландер 2012]. Автор признателен анонимным рецензентам за ряд замечаний и стимул к уточнению некоторых положений. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00282 «Типология морфосинтаксических параметров»), РФФИ (проект № 11-06-00481-а «Корпусное исследование морфосинтаксиса удинского языка») и ФФЛИ (проект № А23 «Полевое исследование диалектов адыгских языков (корпус текстов, грамматические очерки)»).

¹ Транскрипция примеров и их представление соответствуют источникам. В тех случаях, когда источники не указаны, примеры взяты из полевых материалов автора или (в случае английского языка) из Интернета. Ресурсом для сбора русских примеров послужил Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

Немаркированное подчинение, проиллюстрированное примером из языка могавак, – явление широко распространенное. Тем не менее его типология, насколько нам известно, практически не исследована. Ниже мы частично восполняем эту лакуну, ограничившись, однако, обсуждением немаркированного подчинения в относительных конструкциях и оставив за рамками исследования прочие типы полипредикаций. Соответственно, это исследование может пониматься и как попытка описать один из типов относительных конструкций, выделяемых на основании степени сложности грамматического выражения; ср. [Comrie, Kuteva 2005; Kuteva, Comrie 2012]. Этот тип, заметим, выделяется формально и не обязан обнаруживать корреляцию с какими-либо грамматическими свойствами. В то же время он интересен уменьшением эксплицитности в выражении синтаксических отношений и ставит вопросы о том, как языки могут компенсировать это уменьшение эксплицитности и каким образом могут возникать подобные конструкции при том, что они навряд ли оправданы функционально (ср. [Comrie, Kuteva 2005]).

Работа строится следующим образом. В разделе 2 мы очерчиваем множество обсуждаемых явлений, ограничив круг рассматриваемых относительных конструкций. В разделе 3 обсуждается немаркированное подчинение в относительных конструкциях одного конкретного языка – удинского. Раздел 4 затрагивает проблемы, которые возникают при решении вопроса о том, является подчинение в конкретных случаях маркированным или немаркированным. В разделе 5 демонстрируются проявления зависимого статуса предложения, наблюдаемые в отсутствие специализированного маркирования подчинения. Раздел 6 касается разных сценариев возникновения немаркированного подчинения. Последний раздел представляет собой заключение, в котором, в частности, определяются некоторые темы для дальнейших исследований.

2. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И (НЕ)МАРКИРОВАННОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

В соответствии с устоявшейся типологической традицией относительные конструкции включают множество явлений, на первый взгляд достаточно разнородных. В частности, этот класс полипредикаций охватывает конструкции с относительными местоимениями (2), причастные конструкции (3), коррелятивы (4) (во всех примерах выделены относительные предикации, непосредственно образующие конструкцию), но также и другие случаи подчинения, непосредственно рассматриваемые в этой работе (см., например, типологические обзоры [Lehmann 1984; Keenan 1985; de Vries 2002: Ch. 2; Andrews 2007])².

- (2) Выплыл квадрат окна, **за которым брезжил серый цвет** (А. Волос);
- (3) И **обиженные**, точнее, **несправедливо обиженные** становятся полузверями (В. Токарева);
- (4) **Кого находили**, тому приказывали немедленно отправляться на юг в «Альпийский редут» (Д. Гранин).

Ниже мы исходим из того, что относительная конструкция должна удовлетворять следующим двум требованиям:

Синтаксис. Относительная конструкция содержит по меньшей мере две предикации – матричную (главную, вышестоящую) и относительную (релятив), причем вторая всегда является в той или иной мере подчиненной по отношению к первой.

Функция относительного предложения состоит в том, чтобы описать одного из участников ситуации, представляемой главной предикацией, через его участие в си-

² Эта традиция идет вразрез с отечественной, которая признавала относительными лишь конструкции с союзами и союзными словами и непосредственно повлияла, в частности, на классическую русскоязычную работу по типологии относительных конструкций [Зализняк, Падучева 1975].

туации, представляемой подчиненной предикацией³ (роль релевантного участника в подчиненной предикации именуется **мишенью** релятивизации).

Помимо понятий матричной предикации и релятива есть еще по крайней мере два понятия, которые важны для представления синтаксиса многих относительных конструкций:

- (i) Имя или не включающая относительную предикацию именная составляющая (вроде сочетания существительного и прилагательного), описывающие участника, в литературе именуется «вершиной относительной конструкции»; см., например, [Keenan, Comrie 1977]. В этой связи будем говорить о **семантической вершине** конструкции, чтобы не смешивать это понятие с понятием синтаксической вершины.
- (ii) Если релятив и семантическая вершина (или сам релятив в отсутствие семантической вершины) образуют единую именную составляющую, будем называть ее **матричной именной группой**⁴.

Семантические вершины в относительных конструкциях иногда отсутствуют. Кроме того, релятив и семантическая вершина могут не образовывать единую именную составляющую (например, в коррелятивных конструкциях). Тем не менее ниже мы обсуждаем преимущественно такие относительные конструкции, которые включают семантическую вершину и образуют единую матричную именную группу.

Возвращаясь к немаркированному подчинению, мы можем дать ему следующее более или менее формальное определение:

Подчинительная полипредикативная конструкция представляет собой немаркированное подчинение, если ни вершина (сказуемое) зависимой предикации, ни непосредственно вышестоящая вершина не свидетельствуют о подчинении.

Таким образом, определение немаркированного подчинения затрагивает исключительно сегментное оформление синтаксической зависимости. Это означает, в частности, что в качестве собственно маркирования подчинения мы не рассматриваем другие источники информации о наличии синтаксических связей, в частности порядок слов, интонацию и словарную информацию (см., например, [Кирик 1992: 113–115])⁵.

Конструкции, в которых есть вершинный элемент, определяющий подчиненный статус образуемой им или подчиненной ему синтаксической группы⁶, очевидно, представляют маркированное подчинение. Среди относительных конструкций сюда подпадают:

- (i) конструкции, включающие нефинитные формы глагола (независимо от того, специфицируются они на функции определения или нет), как в абхазском языке, где есть нефинитный ряд глагольных форм, которые используются как в относительных

³ Как следует из этой части определения, мы обходим вниманием конструкции, в которых аналоги относительных предложений характеризуют целые предикации, как, например, *Исследователи раскопали там моих предков вплоть до тысяча шестьсот какого-то года, что меня удивило и порадовало* (Санкт-Петербургские ведомости).

⁴ Далее в примерах матричные именные группы заключены в квадратные скобки, если они даны в более широком синтаксическом контексте.

⁵ Это решение, несомненно, спорно по крайней мере в отношении порядка слов и интонации. Что касается первого, нам известно не так много примеров изменения порядка слов в относительных предложениях, которые не были бы возможны в независимых предложениях. Линейное вложение, как кажется, тоже не может считаться хорошим указанием на подчинение: по крайней мере на первый взгляд, обязательное линейное вложение (center-embedding) зависимой части полипредикации не является нормой. Что касается интонации, принятое нами решение не учитывать ее при противопоставлении маркированного и немаркированного подчинения обусловлено, к сожалению, отсутствием необходимых данных по многим языкам, для которых мы постулируем немаркированное подчинение.

⁶ Разумеется, мы не имеем в виду, что при этом маркируется исключительно подчинение. Как правило, маркирование подчинения несет также ту или иную информацию о типе конструкции – ее функции или категории вводимой составляющей.

предложениях, так и в других полипредикативных конструкциях [Hewitt 1979: 201 ff.; 1987: 10–11]:

Абхазский (абхазо-адыгская семья)

- (5) a-para zə-s-ta-z
 DEF-деньги REL.IO-1SG.ERG-давать-PST:NFIN
 'тот, кому я отдал деньги';

(ii) конструкции, в которых зависимая предикация вводится подчинительным союзом⁷:

Английский (индоевропейская семья)

- (6) the sentence that uses every letter of the alphabet
 'предложение, в котором используется каждая буква алфавита';

(iii) конструкции, в которых наличие подчинительной связи маркируется специальным показателем на имени-вершине именной группы (ср. изафетный маркер в примере 7)⁸ или относительным местоимением, которое явно не принадлежит релятиву, как в классическом арабском языке, где такое местоимение получает падеж матричной группы (8):

Бахдинанский курдский (индоевропейская семья)

- (7) tišt'-ē min day-av hinga
 вещь-EZ:PL я:OBL давать:PST-POSTV вы:OBL
 'вещи, которые я вам отдал' [Haig 2011: 366];

Классический арабский (афразийская семья)

- (8) gā'-a [l-fallāḥ-āni l-laḥ-āni
 прийти.ACT.PST-3SG:M DEF-крестьянин-NOM:DU DEF-который-NOM:DU
 ga'ay-tu-humā bi-l-'ams-i]
 видеть.ACT.PST-1SG-3DU:M.OBJ в-DEF-вчера-GEN
 'Пришли два крестьянина, которых я видел вчера' [Зализняк, Падучева 1975(1997): 63].

У прочих конструкций уже есть основания быть отнесенными к немаркированному подчинению (см., однако, раздел 4). Исследуемый нами круг явлений оказывается шире, чем то, что Б. Комри и Т. Кутева в упомянутых выше работах [Comrie, Kuteva 2005; Kuteva, Comrie 2012] характеризуют как конструкции с невыраженной (covert) релятивизацией (например, мы не исключаем из рассмотрения конструкции с резумптивными местоимениями – неотносительными местоимениями, маркирующими роль обсуждаемого участника). Нам кажется существенным противопоставлять средства подчинения и средства указания на то, что в предложении нечто является мишенью релятивизации, – даже если вторые могут имплицировать подчинение.

3. ПРИМЕР НЕМАРКИРОВАННОГО ПОДЧИНЕНИЯ: УДИНСКИЕ РЕЛЯТИВЫ

В качестве примера немаркированного подчинения рассмотрим данные ниджского диалекта удинского языка (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи; см. подробнее [Ландер 2008]).

⁷ Как отметил один из рецензентов, иногда союзы, вводящие подчиненные части полипредикативной конструкции, могут вводить и независимые предложения. Такие конструкции, можно думать, действительно размывают границу между маркированным и немаркированным подчинением, однако они встречаются в особых контекстах (например, выражения эмфазы) и, возможно, должны рассматриваться как маргинальные. Системы, в которых за счет подобных конструкций ослаблено противопоставление по формальной подчиненности, в целом укладываются в картину, обрисованную далее в настоящей работе.

⁸ Мы условно исходим из точки зрения, согласно которой иранский изафетный показатель представляет собой вершинное маркирование. В то же время существуют факты, указывающие на то, что по крайней мере в некоторых языках изафет связан с вершиной конструкции фонологически, но не структурно; см. обсуждение в [Haig 2011].

Удинские глагольные формы в независимых и относительных предикациях

Базовые глагольные формы – глагольные формы в независимых индикативных предикациях	Глагольные формы в относительных предикациях
Аорист (-i)	Прошедшее (-i)
Перфект (-e)	
Перфект II (-ijo)	
Презенс (-sa)	Непрошедшее (-ala)
Будущее I (-al)	
Будущее II (-ala)	
Модальное будущее (-o)	

Основная относительная конструкция в удинском языке, ниже именуемая препозитивной, включает (при наличии семантической вершины) предикацию, предшествующую определяемому имени⁹. Ср. примеры:

Удинский (нахско-дагестанская семья)

- (9) tʰe vaxtʰ beʃʃl udi-n muz-in sam-uruχ=al
 тот время мы:GEN удин-GEN язык-GEN письмо-PL=ADD
 bak-e=ne, [bipʰimʒi – qomʒi bačlusen-astʰa fikir-b-i
 быть-PERF=3SG четвертый пятый столетие-AD думать-LV-AOR
 sam-uruχ]
 письмо-PL

‘В древности у нас удинская письменность тоже была, в IV–V веках придуманные письма’;

- (10) ...[bava-n ukʰ-ala χüjār-a=l] haqʰ-e=tʰun
 отец-ERG говорить-FUT2 девушка-DAT=ADD брат-PERF=3PL
 ‘...брали (в жены) девушку, которую назовет отец’.

Многие описания удинского языка постулируют существование особых глагольных форм, которые выступают в качестве релятивного сказуемого, – причастий (см., например, [Harris 2002; Майсак 2008]). Между тем, как было отмечено еще В. Шульце [Schulze 1982: 186], выделение в удинском языке категории причастия проблематично, так как в формах релятивных сказуемых нет специфического маркирования.

В ниджском диалекте удинского языка с семью видо-временными формами в независимых предложениях соотносятся две формы – прошедшего времени (-i) и непрошедшего времени (-ala) – в относительных предложениях (см. таблицу 1). Эти формы совпадают с независимыми формами аориста и так называемого будущего II, имеющего оттенок долженствования. У форм с суффиксами -i и -ala обнаруживается разная дистрибуция в независимых предложениях и в относительных конструкциях, но это можно трактовать как нейтрализацию видо-временных противопоставлений в относительных конструкциях. Таким образом, независимые и релятивные формы на -i и -ala могут быть отождествлены. В результате для ниджского диалекта удинского языка можно го-

⁹ В обоих диалектах удинского языка – ниджском и варташенском – есть конструкция с относительным местоимением (см., в частности, [Gippert 2011]), которая, вероятно, явилась результатом контакта удинского с языками, принадлежащими другим семьям. В ниджских текстах эта конструкция появляется значительно реже, чем описываемая препозитивная конструкция. В варташенском диалекте препозитивная конструкция отличается от ниджской. Далее в этом разделе, когда говорится об удинском языке, речь идет только о ниджском диалекте, если другое не оговорено.

ворить о немаркированном подчинении, поскольку в нем отсутствуют особые формы, свидетельствующие о зависимом статусе относительного предложения.

Помимо видо-временной системы относительные предикации в препозитивной конструкции обнаруживают и иные особенности по сравнению с независимыми предложениями.

В отличие от независимой предикации, в относительной сказуемое практически всегда располагается в конце релятива. Ср. относительную конструкцию (11), где второй пример оказывается недопустимым из-за неконечного расположения сказуемого:

Удинский (нахско-дагестанская семья)

- (11) a. *maja* [kʰoj-aχun id-i čuuxʃ]?
 где+3SG:Q дом-ABL откликаться-AOR женщина
 b. **maja* [id-i kʰoj-aχun čuuxʃ]?
 где+3SG:Q откликаться-AOR дом-ABL женщина
 'Где женщина, которая откликнулась из дома?'

- В отличие от типичной независимой предикации, в относительной предикации нет показателей личного согласования; ср. релятивную конструкцию (12a) без личного показателя и независимое предложение (12b), включающее личный показатель =e. Личные показатели могут присоединяться не только к глаголу, но и к другим компонентам предложения (см. в особенности [Harris 2000; 2002]), а значит, они не противопоставляют разные формы глагола¹⁰.

Удинский (нахско-дагестанская семья)

- (12) a. *šo-tʰaj* tʰoʰkoʰl [rajon-aχun har-i sa amdar]=e
 DIST-NO-GEN возле район-ABL приходить-AOR один человек=3SG
bu=j
 COP=PST
 'У него сидел один человек, приехавший из райцентра'.
 b. *šo-tʰoun* oša=l viči=ne har-e iz
 DIST-NO-ABL потом=ADD брат=3SG приходить-PERF RFL:GEN
waɣ-aun sagala
 парень-ABL вместе
 'Потом приехал брат со своим сыном'.

- В релятивах, как правило, не выражается именная группа мишени – лишь в очень редких случаях появляются резюмтивные местоимения (как и в других нахско-дагестанских языках, в качестве резюмтивов здесь функционируют рефлексивы)¹¹. Ср. (13), где резюмтив появляется в функции объекта послелога:

Удинский (нахско-дагестанская семья)

- (13) *zu iz boš aɣc-i aftʰobus*
 я RFL:GEN внутри сидеть-AOR автобус
 'автобус, в который я сел'.

- В независимых повествовательных предложениях отрицание обычно выражается показателем *te* (к которому присоединяется согласовательная клитика), а в относительных предикациях появляется отрицательная клитика *ni=* (см. обсуждение в [Майсак 2009]). Ср. независимое предложение (14) и зависимую предикацию (15):

¹⁰ Теоретически можно было бы считать в духе работ [Казенин 1997; Kazenin 2002], что личные показатели функционируют в качестве вершины предложения. Тогда препозитивную конструкцию нельзя рассматривать как немаркированное подчинение, поскольку релятивы, в отличие от независимых предложений, могут не иметь синтаксической категории, определяемой личными показателями.

¹¹ Кроме того, партиципранты (в первую очередь – но не исключительно – субъект при переходном глаголе и агенс и пациенс при переходном глаголе) могут оформляться генитивом. В [Lander 2011], однако, показывается, что, в отличие от схожих конструкций в других языках ареала, здесь генитивные группы не входят в релятив.

Удинский (нахско-дагестанская семья)

- (14) *bezi bava-n za a=te=ne=k^h-ijo*
мой отец-ERG я:DAT видеть=NEG=3SG=ST-PERF2
'Мой отец меня не видел';

- (15) *šo-t^h-in nu=ak^h-i q^honaχ*
DIST-NO-ERG NEG=видеть-AOR гость
'гость, которого он не видел'.

Итак, подчиненная предикация при немаркированном подчинении не должна обладать всеми свойствами независимого предложения. Единственное требование к ней состоит в том, чтобы не существовало единицы, которая бы вводила эту предикацию и одновременно указывала на ее статус.

В действительности, однако, разграничение двух типов подчинения протекает не гладко и связано с определенными проблемами. Перечислим некоторые из них.

4. ПРОБЛЕМЫ ПРИ ВЫДЕЛЕНИИ НЕМАРКИРОВАННОГО ПОДЧИНЕНИЯ

Первая проблема такова: формы, признаваемые по ряду признаков нефинитными, иногда могут выступать и в качестве сказуемых независимых предложений (см. в первую очередь [Калинина 2001]). В таких случаях решение вопроса о том, сигнализирует ли форма о подчинении в относительных конструкциях, зависит от соотношения дистрибуции формы в независимом предложении и в относительной конструкции. Если дистрибуция сходна или отличия в дистрибуции могут быть объяснены без прямого обращения к понятию синтаксической категории, резонно считать, что форма не сигнализирует о подчинении. Так, для удинского языка выше мы объяснили разницу в дистрибуции глагольных форм в независимом предложении и относительной предикации через нейтрализацию видо-временных противопоставлений, что и позволило не выделять отдельную категорию причастий.

Еще один фактор, способный влиять на ту или иную трактовку конструкции с формой, которая встречается и в независимых, и в относительных предикациях, – степень маргинальности ее употребления в независимом предложении. Если появление нефинитной формы в функции независимого сказуемого ощущается как нетипичное явление, ограниченное узким кругом контекстов и/или несущее специфическую семантику, эта маргинальность может пониматься как следствие употребления формы в конструкции, ей не свойственной. Такая логика предполагает, что, находясь в зависимой предикации, форма все же может специально маркировать подчинение. Заметим, что эта логика, возможно, применима к отдельным удинским конструкциям, описанным выше, поскольку форма на *-ala*, которая в релятивах функционирует как сказуемое не прошедшего времени, в независимых предложениях имеет достаточно маргинальное употребление и нестандартные свойства (см. обсуждение в [Ландер 2008])¹².

Вторая проблема обусловлена возможностью постулирования нулевых показателей подчинения или опущения показателя подчинения. Например, для германских языков конструкции с так называемыми контактными клаузами (*contact clauses*) вроде (16) иногда описываются с помощью нулевого союза или нулевого относительного местоимения (см., например, [Bošković, Lasnik 2003: 535]):

Английский (индоевропейская семья)

- (16) [The child Alexis was waiting for] was lost.

'Ребенок, которого ждал Алексис, потерялся' [Bošković, Lasnik 2003: 535].

Такое теоретическое решение мотивировано стремлением к унификации разных структур: если в норме подчинение обозначается союзами, в отсутствие выраженного

¹² Нашу трактовку несколько оправдывает то, что в варташенском диалекте удинского языка релятивы могут возглавляться также и формой на *-al* – основной формой будущего времени.

союза можно постулировать нулевой, чтобы описывать эту конструкцию аналогично другим. Обоснованность этого решения связана с задачами исследователя (например, с задачей построения формальной модели, предполагающей максимальное единообразие) и тоже во многом субъективна.

Третья проблема касается конструкций с относительными местоимениями, которые во многих языках проявляют свойства союзов, вводя относительные предложения:

- (17) Прут был [неочищенная от коры удочка, **которой** она с ним вместе ловила рыбу] (А.С. Грин).

Трактовка конструкции как немаркированного или маркированного подчинения зависит от трактовки относительного местоимения. Если оно понимается как зависимый элемент сказуемого относительного предложения, конструкция может описываться как немаркированное подчинение. Если же эмфаза делается на его функции как элемента, определяющего дистрибуцию всей предикации, то есть имеющего определенные вершинные свойства, допустима трактовка конструкции как содержащей маркер подчинения. В этом случае полезно принимать во внимание не только, например, падежное маркирование относительного местоимения, но и разного рода периферийные конструкции. Например, для английских конструкций с относительным местоимением в качестве аргументов против его рассмотрения как зависимого элемента в относительном предложении могут выступать окказиональное появление резюмтивных местоимений на месте мишени (18) и вообще тот факт, что при релятивизации из вложенного предложения порядок слов не дает возможность рассматривать его в составе предикации, к которой принадлежит мишень:

Английский (индоевропейская семья)

- (18) the man who this made him feel sad
‘человек, которого это опечалило’ [Prince 1990: 482].

В то же время само по себе линейное введение зависимой предикации (то есть расположение на ее границе) – не обязательное требование к подчинительному союзу. Например, в лазском языке маркер подчинения в относительных предложениях, предшествующих вершине, может располагаться как на сказуемом (замыкающем релятив), так и на других элементах предикации:

Лазский (картвельская семья)

- (19) bec-k bozo-s=na me-č-u matsk'indi
ребенок-ERG девушка-DAT=COMP PV-давать-AOR.1SG кольцо
‘кольцо, которое ребенок дал девушке’ [Lacroix 2009: 207].

С учетом таких явлений порядок слов предстает лишь как один из множества факторов, влияющих на трактовку конструкции.

Наконец, четвертая проблема связана с отношением исследователя к особой морфологии, обнаруживаемой в релятиве: в некоторых случаях она может трактоваться как специализированный показатель, но одновременно допускать и иную интерпретацию. Такая ситуация наблюдается, в частности, в адыгских языках (адыгейском и кабардино-черкесском), для которых на основании ряда морфологических особенностей сказуемого релятива принято постулировать категорию причастия (см. обсуждение и обзор литературы в [Бижоев 1991; 2005; Ландер 2012]). Так, в адыгейском сказуемое относительной предикации может содержать (i) особый релятивный префикс *zə-*, указывающий на роль мишени, (ii) маркирующий настоящее время динамический суффикс *-re*, который иногда даже трактуется как показатель причастия (ср. [Кумахов 1989: 255, 257ff.; Гишев 1989: 184; 2003: 117]), (iii) отрицательный префикс *mə-*, который обычно (но не всегда; см., в частности, [Рогава, Керашева 1966: 253–254; Smeets 1984: 301; Ландер, Сумбатова 2007]) возникает в подчиненных, но не в независимых предикациях. Все эти признаки демонстрирует пример (20):

Адыгейский (абхазо-адыгская семья)

- (20) ... рəjə-г [z-e-mə-že-re λenəq^we-m-č'e]
 враг-ABS REL.IO-DAT-NEG-ждать-DYN сторона-OBL-INS
 qə-tje-bane-š'tə-ke-x
 DIR-LOC-бороться-AUX-PST-PL
 '...враги нападали со стороны, с которой не ждали' (Адыгэ макъ).

Однако, как аргументируется в [Ландер 2012], ничто из перечисленного не может считаться специализированным показателем причастия: релятивный префикс *zə-* появляется и вне сказуемого относительной предикации (21), а показатели *-re* и *mə-* и вовсе допустимы в независимых сказуемых (22)–(23).

Адыгейский (абхазо-адыгская семья)

- (21) z-jə-sabəj je-d-ke-ž'e-re=pə-tə-ke-g
 REL.PR-POSS-ребенок DAT-1PL.ERG-CAUS-читать-DYN=мать-отец-PL-ABS
 č'e^we.ž'e-ke-g-ep
 рассказывать-PL-DYN-NEG
 'Родители, детей которых мы учим, не рассказываются' (Адыгэ макъ);
- (22) sawəserəq^we səd ə-š-e-ka-ke-cw qə-p-š'e-šə-re we
 Сосруко что 3SG.ERG-делать-PST-PST-ADV DIR-2SG.IO-MAL-делать-DYN ты
 'А догадываешься ли ты, что сделал Сосруко?' (Нарт кьэбархэр);
- (23) welahe, hanaχ^wə=paš'e-m a-g ə-mə-ŋ^we-p
 Боже Ханаху=косой-OBL TOT-ABS 3SG.ERG-NEG-говорить-MOD
 'Ей-богу, кривой Ханаху этого не скажет!' [Рогава, Керашева 1966: 253].

В данном случае существенно, что все эти морфемы рассматриваются не как признаки неких форм, а по отдельности, как независимые друг от друга маркеры, появление каждого из которых обусловлено своими причинами, а не формой в парадигме.

Так или иначе, трактовка конструкции как немаркированного или маркированного подчинения зависит от разнообразных установок исследователя. Типология средств подчинения должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность учитывать эту зависимость и относить одну и ту же конструкцию к разным типам в зависимости от необходимых обобщений.

5. ВЫРАЖЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ПРИ НЕМАРКИРОВАННОМ ПОДЧИНЕНИИ

В отсутствие особых грамматических форм и подчинительных союзов, маркирующих подчинение, зависимый статус относительной предикации может не быть отражен никакими особыми явлениями в ней самой вовсе¹³. Такая ситуация, судя по описанию [Dixon 2004], наблюдается в языке жаравара, который при построении относительных конструкций использует релятивы с вложенной семантической вершиной:

Жаравара (араванская семья)

- (24) [jomee fati hi-kabe-mete-mone]
 ягуар(м) 3SG.PR+жена OC-есть-RPST:F-REPORT:F
 o-komina-bone-ke
 1SG.A-рассказывать.O-INTN:F-DEC:F
 'Я расскажу тебе о его жене, которую съел ягуар' [Dixon 2004: 526].

На относительные предложения в языке жаравара наложены ограничения: в них не появляются периферийные партиципаны и суффиксы наклонения. Поскольку, однако, и те и другие элементы предикации факультативны, их отсутствие не сообщает о подчиненном статусе релятива.

¹³ При этом, однако, подчиненность относительного предложения может проявляться в его линейной вложенности. Поскольку мы рассматриваем лишь примеры, в которых релятив и семантическая вершина образуют единую именную группу, параметр вложенности относительного предложения здесь не релевантен.

Во многих языках относительные предложения, демонстрирующие немаркированное подчинение, все же обнаруживают отличия от независимых предложений. Как правило, зависимые предложения описываются в качестве структур, производных от независимых предложений, – поэтому подобные отличия представляются в качестве изменений, происходящих в релятивах. Такого рода изменения можно разделить на три группы:

- (i) полное исчезновение некоторого признака независимого предложения;
- (ii) изменение некоторого признака независимого предложения;
- (iii) появление дополнительных возможностей по сравнению с независимым предложением.

5.1. Полное исчезновение признака независимого предложения

В относительных предложениях могут исчезать признаки, ассоциируемые с независимыми предикациями. Для немаркированного подчинения существенно, чтобы эти признаки не были формально ассоциированы со сказуемым подчиненной предикации. Так, в удинских препозитивных относительных предикациях исчезает выражение категории лица, которая, однако, не привязана к сказуемому, что не дает возможности интерпретировать это исчезновение как изменение глагольной формы.

Как исчезновение признака независимого предложения естественно представлять и наблюдаемое в относительных конструкциях опущение именной группы мишени – например, Дж. Николс [Nichols 1984] описывает его как маркирование зависимого статуса относительного предложения. Проблема с этим признаком состоит в том, что нередко в языках выражающие актанты именные группы могут отсутствовать и в независимых предложениях (см., например, [Comrie 1998: 67] о японском языке, [Ландер 2008: 59] об удинском языке). Весьма вероятно, что отсутствие мишени и опущение именных групп независимо от релятивизации суть разные явления – в частности потому, что отсутствие группы мишени, в отличие от опущения прочих именных групп, зачастую обязательно (ср. [Shibatani 2009: 168]). Тем не менее не очевидно, что отсутствие группы мишени всегда само сигнализирует о подчинении¹⁴.

Исчезновение признаков независимого предложения коррелирует со степенью сложности релятивизации того или иного участника: чем сложнее релятивизовать участника, тем скорее в конструкции будет сохраняться исходная структура предложения [Keenan 1972]. В частности, в удинских конструкциях появление резюмтивного местоимения, при котором сохраняется группа мишени, наблюдается только при релятивизации посессора и объектов послелогов; ср. (13) выше.

5.2. Изменение грамматических признаков предложения

В относительных предложениях грамматические значения могут выражаться иначе, чем в независимых предложениях. Для немаркированного подчинения выдвигается требование, чтобы такое изменение выражения было независимо от парадигматики форм вершины. В удинской конструкции, рассмотренной выше, к этому типу сообщения о зависимом статусе относительного предложения относится, например, маркировка отрицания – отличная от той, что обычно наблюдается в независимых предложениях, а также, вероятно, нейтрализация видо-временных отношений (см. также [Cristofaro 2003] о сходных явлениях в других языках).

К этому же типу непрямого выражения подчинения можно отнести появление в предикации относительных местоимений¹⁵. Хотя эти местоимения часто признаются

¹⁴ Здесь стоит вспомнить и то, что при определении роли мишени в таких конструкциях на самом деле могут быть важны не столько «пробелы», остающиеся на месте групп мишени, сколько наличие субкатегоризирующей вершины; см., например, [Hawkins 1999: 248].

¹⁵ Мы абстрагируемся здесь от вопроса о совпадении относительных и вопросительных местоимений.

имеющими свойства союзов, адыгейский материал, представленный в разделе 4, возможно, показывает, что это не универсально, поскольку здесь в функции относительных местоимений выступают релятивные префиксы – а им какую-либо союзную функцию можно приписать лишь с натяжкой.

Наконец, к изменению грамматических признаков предложения, ассоциируемому с его зависимым статусом, естественно относить нестандартный порядок слов (в частности, связанный с появлением относительных местоимений) и нестандартную интонацию.

5.3. Новые грамматические признаки предложения

У многих исследователей, по-видимому, есть имплицитная презумпция, согласно которой производные структуры должны обнаруживать не меньше ограничений на построение, чем непродводные. В таком случае странно было бы ожидать, что подчиненные предикации будут обнаруживать дополнительные черты, расширяющие свободу выражения по сравнению с независимыми предикациями. Однако именно это, по-видимому, обнаруживается в адыгейском языке.

Принципиальное свойство адыгейского языка состоит в том, что большая часть участников ситуации, выражаемой в предложении, может морфологически индексироваться в глаголе, имени или послелого особыми префиксами¹⁶ (это, правда, не касается абсолютных участников 3 лица, в том числе и когда они выступают как мишени релятивизации). Помимо ядерных актантов индексируются и периферийные участники, роль которых эксплицируется префиксами актантной деривации; личный префикс и показатель актантной деривации образуют так называемый комплекс актантной деривации. Так, в (25) в сказуемом индексируются эргативный агент и не прямой объект, вводимый показателем комитативной актантной деривации. В то же время индексация всех возможных участников не всегда обязательна: в (26) в глаголе нет морфемы, соответствующей точке, в которую осуществлялось движение.

Адыгейский (абхазо-адыгская семья)

(25) se ʧ'ale-xe-m ʔ'ef a-de-s-ʃa-ʔ
я парень-PL-OBL работа 3PL.IO-COM-1SG.ERG-делать-PST
'Я работал с детьми';

(26) s-jə-nəbʒ'ekʷ jə-q'əʒ'e qe-k'we-ž'ə-ʔ
1SG.PR-POSS-друг POSS-аул DIR-идти-RE-PST
'Мой друг вернулся в свой аул'.

При релятивизации участника с неабсолютной ролью в адыгейском языке соответствующий ему личный префикс заменяется на упомянутый в разделе 4 релятивный префикс *zə-*. В результате, например, релятивизация непрямого объекта в предложениях вроде (25) выглядит как в (25'). Однако при релятивизации участника, которому не соответствует личный префикс, в сказуемом относительного предложения появляется новый комплекс актантной деривации; ср. (26) с (26'a), при том что аналогичный комплекс в независимом предложении невозможен (26'b).

Адыгейский (абхазо-адыгская семья)

(25') [se ʔ'ef zə-de-s-ʃa-ʔe-xe ʧ'ale-xe-r]
я работа REL.IO-COM-1SG.ERG-делать-PST парень-PL-ABS
qə-se-de-ʔ'we-š'tə-ʔe-x
DIR-1SG.IO-COM-говорить-AUX-PST-PL
'Ребята, с которыми я работал, меня слушались';

¹⁶ Мы намеренно используем термин «индексация» вместо принятого в литературе по адыгским языкам термина «согласование». Не исключено, что личные префиксы в этом случае не столько осуществляют формальное согласование с внешней именной группой, сколько сами указывают на участников; ср. отсутствие возможного контролера согласования у обсуждаемого далее релятивного показателя.

- (26') a. s-jə-nəbʒ'ev^w qə-z-de-k'e-ž'ə-ve q'až'e-r
 1SG.PR-POSS-друг DIR-REL.IO-LOC-идти-RE-PST село-ABS
 'аул, в который вернулся мой друг'
 b. *s-jə-nəbʒ'ev^w jə-q'až'e qə-de-k'e-ž'ə-в
 1SG.PR-POSS-друг POSS-село DIR-3SG.IO-LOC-идти-RE-PST
 (Ожид.: 'Мой друг вернулся в аул'.)

Подобным образом, путем введения в относительных предложениях дополнительных комплексов актантной деривации, не дозволенных в независимых предложениях, можно указать на время ситуации (27а), или на ее причину (28а) (примеры 27b и 28b демонстрируют невозможность таких комплексов в независимых предложениях). Наконец, в работе [Герасимов, Ландер 2008] показано, что так же можно описать для адыгейского языка «релятивизацию образа действия» (29) и «релятивизацию факта» (оформление фактивного sententialного актанта, который, впрочем, не присоединяет к себе семантическую вершину).

Адыгейский (абхазо-адыгская семья)

- (27) a. [psə-r qə-z-š'ə-k'e-ve=č'eš'ə-r] (...) bzəlfəve-m ə-neg^w
 вода-ABS DIR-REL.IO-LOC-идти-PST=ночь-ABS женщина-OBL 3SG.PR-лицо
 ž'ə.r.jə ze qə-č'e-wəc'e-ž'ə-в
 снова один.раз DIR-LOC-вставать-RE-PST
 'Ночь, когда (в которую) пришла вода, еще раз встала перед глазами (букв. перед лицом) женщины' (Адыгэ макъ).
 b. psə-r č'eš'ə-m qe-k'a-в / *qə-š'ə-k'a-в
 вода-ABS ночь-OBL DIR-идти-PST DIR-LOC-идти-PST
 'Вода пришла ночью';
- (28) a. [wəlapə sə-z-č'e-mə-k'a-ve we-r]
 Уляп 1SG.ABS-REL.IO-RSN-NEG-идти-PST погода-ABS
 qə-ze-č'e-č'ə-ž'ə-в
 DIR-REC.IO-LOC-уходить-RE-PST
 'Погода, из-за которой я не поехал в Уляп, наладилась'.
 b. *we-dejə-m wəlapə sə-č'e-k'a-в-ep
 погода-плохой-OBL Уляп 1SG.ABS-RSN-идти-PST-NEG
 (Ожид.: 'Я не поехал в Уляп из-за плохой погоды'.)
- (29) [mašəne-r ze-re-s-fə-re šə.č'e-m]
 автомобиль-ABS REL.IO-MNR-1SG.A-вести-DYN манера-OBL
 s-jə-wəpəw'e j-e-ve-š'əne
 1SG.PR-POSS-семья 3SG.A-DYN-CAUS-бояться
 'То, как я езжу на машине, пугает мою семью'.

Итак, в адыгейском языке в относительных предложениях может индексироваться больше актантов, чем в независимых предложениях, а значит, релятивы обнаруживают новые грамматические черты, не свойственные независимым предложениям¹⁷.

5.4. Импликация подчинения ≠ маркирование подчинения

Соотношения относительных и независимых предикаций, указанные выше, встречаются и при наличии специализированных средств маркирования подчинения¹⁸. С уче-

¹⁷ Мы не готовы сказать, насколько эта ситуация является уникальной. Совпадение показателей релятивизации и показателей, вводящих sententialные актанты, достаточно распространено (см., например, [Serdobolskaya, Paperno 2006; Shibatani 2009]). Временные обстоятельственные предложения также иногда описываются как разновидность релятивов; см., в частности, [Hall, Caronigro 2010]. Однако формально такие полипредикативные конструкции, как правило, не требуют построения каких-то дополнительных структур, не свойственных независимому предложению, а в адыгейском языке наблюдается именно такое построение.

¹⁸ Некоторые упомянутые выше явления описываются в типологической литературе также как уменьшение финитности. При этом финитность понимается не как свойство глагольной формы, а как свойство целой предикации (см., например, [Калинина 2001: 26 ff.]).

том этого странно было бы полагать, что у рассмотренных выше явлений есть функция собственно маркирования подчинения: зависимый статус релятива здесь скорее имплицитруется, нежели обозначается.

В пользу этого говорит и то, что одних этих явлений нередко недостаточно для выражения подчинения. Так, немаркированное подчинение в относительных конструкциях порою наблюдается только при наличии внешней семантической вершины: если такая вершина отсутствует, релятиву требуются дополнительные средства выражения подчинения. В адыгейском и удинском языках это появление на свободном релятиве падежного маркера, причем в удинском в этом случае необходимо еще и появление номинализирующего маркера:

Адыгейский (абхазо-адыгская семья)

- (30) [hads-в^а-m ?^а-мэ-рла-ве-хе-м] fe.da-ве-х
покойник-время LOC-NEG-смотреть-PST-PL-OBL подобный-PST-PL
š'ər-jə...
детеныш-ADD
'Дети как будто не увидели смерти (букв. дети были подобны тем, кто не взглянул на смертный час)...' (Н. Куек);

Удинский (нахско-дагестанская семья)

- (31) me äjaq:-in ički-n-a=l ulk-en [zähmät
этот стакан-GEN питье-O-DAT=ADD пить-NORT труд
zar-i-t:-ov-oj] dirist:uk-a
тянуть-AOR-NO-PL-GEN здоровье-DAT
'А то, что в этом стакане, давайте выпьем за здоровье тех, кто трудился'.

Если бы явления, свидетельствующие о подчиненном статусе предикации (например, отсутствие личных показателей в относительном предложении в примере 31), сами определяли ее синтаксическую дистрибуцию, регулярное появление других подчиняющих средств, наблюдаемое в языках мира в таких контекстах, не поддавалось бы объяснению.

6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕМАРКИРОВАННОГО ПОДЧИНЕНИЯ

Теоретически немаркированное подчинение может развиваться внутри языка тремя способами¹⁹.

Во-первых, речь может идти о грамматикализации структуры, подразумевающей паратаксис – формальное отсутствие подчинения. При этом подчиненная предикация превращается в часть именной группы и способна быть вложенной; кроме того, она, как правило, получает интонационные особенности, интегрируясь в состав другого предложения (см. об этом, например, [Mithun 2009]). Подобное развитие, укладывающееся в общую схему развития полипредикаций из паратаксиса [Hopper, Traugott 2003: 177], на примере разных языков описывается, в частности, в [Givón 2009: Ch. 5; 2012]. Так, к паратаксису (простому соположению предикаций или парентетической вставке одной предикации в другую) возводятся относительные конструкции германских языков, которые задействовали указательные местоимения (см. также [Heine, Kuteva 2007: 225–227])²⁰:

¹⁹ Мы не рассматриваем заимствование немаркированного подчинения из другого языка.

²⁰ Изменение порядка слов при этом объясняется топикализацией указательного местоимения релятива с другими подчинительными конструкциями. Следует заметить, что эта версия происхождения германских относительных конструкций с указательным местоимением – не единственная; см., например, обзор гипотез о происхождении немецкой конструкции в [Diesel 1999: 120–123]. Общая идея о том, что относительные конструкции регулярно происходят из построений с паратаксисом, критикуется Р. Хендери, которая, рассматривая, впрочем, преимущественно маркированные релятивы, утверждает, что такая эволюция представляет собой скорее исключение, чем правило, и чаще релятивизация возникает на основе уже имеющихся подчинительных структур – либо нерелятивных полипредикативных конструкций, либо, при заимствовании, относительных конструкций других языков [Hendery 2007: 211].

Немецкий (индоевропейская семья)

- (32) a. *Ich kenne [den Mann, dem hat Martin das Buch gegeben].*
 я знать:1SG DEF:M.ACC мужчина TOT:M.DAT AUX Мартин
 DEF:N:ACC книга дать:PTCP
 'Я знаю мужчину, ему Мартин отдал книгу'.
 b. *Ich kenne [den Mann dem Martin das Buch gegeben hat].*
 я знать:1SG DEF:M.ACC мужчина TOT:M.DAT Мартин
 DEF:N:ACC книга дать:PTCP AUX
 'Я знаю мужчину, которому Мартин отдал книгу' [Givón 2012: 13].

Во-вторых, немаркированное подчинение может возникнуть благодаря опущению показателя подчинения. По-видимому, именно так развилась английская конструкция с несубъектными контактными релятивами (см. пример 16), связанная с появлением союза *that* и возможностью его опущения [Dekeyser 1986]. Аналогично, через исчезновение атрибутивизатора/номинализатора, объясняется появление конструкций с контактными релятивами в некоторых китайских диалектах, сопровождаемое, однако, появлением других особых маркеров конструкции – указательных местоимений или классификаторов [Wu 2009].

В-третьих, маркирующая подчинение форма может расширить употребление на независимые предложения. Образование временных форм на основе причастий свойственно значительному числу языков (в том числе русскому, в котором формы прошедшего времени развились из причастий). Если исходно подчиненная форма начинает образовывать сказуемое независимого предложения без вспомогательных средств вроде связки и при этом не маргинальна в этой конструкции (см. раздел 4 выше), различия между зависимым и независимым предложениями нивелируются и возникает немаркированное подчинение.

Задокументированный пример такого развития представляет японский язык; см., например, [Алпатов и др. 2008: 286]. В современном японском языке относительные конструкции, подчиненные именной вершине, можно характеризовать как немаркированное подчинение; ср.:

Японский

- (33) a. *John ga ringo o tabe-ta*
 Джон ном яблоко ACC есть-PST
 'Джон съел яблоко'.
 b. *John ga [ringo o tabe-ta hito] o shit-te i-gu*
 Джон ном яблоко ACC есть-PST человек ACC знать-CONV
 AUX.PRG-PRS
 'Джон знает человека, который съел яблоко' [Kurosawa 2003: 317; Алпатов и др. 2008: 286].

Ранее в японском языке финитные формы глагола противопоставлялись атрибутивным формам, а современная ситуация возникла вследствие экспансии атрибутивных форм в финитные контексты.

Сходная история по крайней мере частично реконструируется и для удинского языка. Независимое употребление будущего II на *-ala*, которое отчасти и привело к немаркированному подчинению, скорее всего, развилось на основе сказуемого употребления причастия. Точно так же форма обычного будущего времени на *-al* возводится к причастию, которое, однако, в ниджском диалекте удинского языка не используется (но используется в варташенском диалекте); это причастие, в свою очередь, связывается с пралезгинской формой имени деятеля [Майсак 2008: 118–124]. Для аористной формы на *-i*, используемой в релятивах прошедшего времени, но помимо этого имеющей также и деепричастное употребление в конструкциях, выражающих последовательность

действий, была предложена иная история: основываясь на данных других лезгинских языков, Т.А. Майсак [Майсак 2008: 113] высказал предположение, что независимое употребление этой формы восходит к сочетанию деепричастия и связки.

Наконец, экспансию причастных форм, имеющих сходную с именами дистрибуцию, на финитные контексты можно гипотетически реконструировать и для адыгских языков. Это по крайней мере объяснило бы одну из важнейших их характеристик, а именно слабое противопоставление имен и глаголов: так, в адыгейском языке глаголы без ограничений возглавляют группы, указывающие на партиципантов ситуации, выполняя типичную именную функцию, в то время как имена с легкостью образуют группы сказуемого, демонстрируя типичную глагольную функцию. Ср. следующую пару примеров, в первом из которых имя образует абсолютивную группу, а глагол – сказуемое, а во втором, наоборот, имя образует сказуемое, а глагол – абсолютивную именную группу:

Адыгейский (абхазо-адыгская семья)

- (34) а. hač'e-г kʷa-ве
 гость-ABS идти-PST
 'Гость пошел'.
 б. kʷa-ве-г hač'e
 идти-PST-ABS гость
 'Тот, кто пошел, – гость'.

Наблюдаемый параллелизм можно было бы объяснить тем, что глагольные формы вроде *kʷawe* исторически были причастиями, так что как построения вроде (34а), так и построения вроде (34б) по сути представляли собой именные предикации.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, немаркированное подчинение в относительных конструкциях объединяет достаточно разнородные явления и с синхронной точки зрения – в том что касается выражения и невыражения подчиненного статуса релятива, и с диахронической точки зрения – в том что касается происхождения. Их объединение, однако, легко поддается гибким типологическим классификациям (в работе мы рассмотрели типологию выражения/невыражения подчиненности неспециализированными средствами и определили разные пути возникновения немаркированного подчинения). Нам кажется существенным, что понятие маркированности подчинения противопоставляет средства эксплицитного маркирования зависимого статуса предикации явлениям, которые лишь имплицитно такой статус: именно такое противопоставление дает возможность выявить на формальных основаниях нетривиальные явления вроде большего потенциала адыгейских релятивов по сравнению с независимыми предложениями. Заметим, что наш подход в этом отношении фактически противостоит другому подходу, согласно которому подчинение передается всей конструкцией, а не отдельными ее элементами, а значит, его описание требует одновременного привлечения всех релевантных характеристик рассматриваемой конструкции.

Но существуют ли типологические обобщения, связанные с понятием немаркированного подчинения? Насколько оно вообще существенно для понимания того, как язык может функционировать?

Несбалансированность используемой нами языковой выборки не дает возможности ответить на эти вопросы. Но думается, что дальнейшие исследования в этой области можно проводить по крайней мере в двух направлениях.

С одной стороны, не исключено, что есть некоторая корреляция (впрочем, явно не абсолютная) между немаркированным подчинением и тем, как именно устанавливается отношение между главной и зависимой предикациями в относительных конструкциях. Традиционный подход к релятивизации, представленный, например, в классической

работе [Keenan, Comrie 1977], состоит в установлении отношения между синтаксическими ролями в зависимом предложении и матричной (то есть главной по отношению к зависимому) предикации. Однако ныне уже очевидно, что построения, описываемые как относительные конструкции или как конструкции с атрибутивными предложениями, вовсе не во всех языках оперируют синтаксическими ролями. Порою интерпретация конструкции строится на основании информации, извлекаемой не столько из синтаксической структуры, сколько из семантики ее участников и контекста; на это указывают нарушения синтаксических ограничений и невозможность «достроить» синтаксическую мишень релятивизации [Comrie 1998; Даниэль, Ландер 2008]. Такие семантически ориентированные конструкции зачастую, хотя и не всегда, сопровождаются немаркированным подчинением или по крайней мере его возможностью. Если корреляция такого рода прослеживается, ее можно попытаться объяснить тем, что немаркированное подчинение предполагает меньшую грамматикализацию конструкции, а значит, в большей степени способно полагаться не на грамматически ограниченные синтаксические правила, но на правила семантические.

С другой стороны, не вполне ясной остается и то, как контрастируют немаркированное и маркированное подчинение, если они сосуществуют в одном языке. В этой связи, в частности, можно ожидать корреляции между появлением немаркированного подчинения и наиболее активно релятивизуемыми мишенями.

Наконец, остается открытым вопрос о том, насколько обрисованные выше механизмы работают в других полипредикативных конструкциях, отличных от релятивизации.

Очевидно, несмотря на большой накопленный материал, исследование формально-го маркирования (и его отсутствия) в полипредикациях еще оставляет немало открытых вопросов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A – агент; ABL – аблатив; ABS – абсолютив; ACC – аккумулятив; ACT – активный залог; AD – адессив; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиалис; AOR – аорист; AUX – вспомогательная основа/вспомогательный глагол; CAUS – каузатив; COM – комитативная актантная деривация; COMP – подчинительный союз; CONV – конверб; COP – связка; DAT – датив; DEC – декларатив; DEF – определенность; DIR – директив; DIST – дистантное указательное местоимение; DU – двойственное число; DYN – динамичность; ERG – эргатив; EZ – изафет; F – женский род; FUT – будущее время; GEN – генитив; HORT – гортатив; INDEF – неопределенность; INS – инструментальный маркер; INTN – намерение; IO – не прямой объект; LOC – локативная актантная деривация; LV – служебный глагол; M – мужской род; MAL – малефактивная актантная деривация; MNR – актантная деривация образа действия; MOD – модальное будущее; N – средний род; NEG – отрицание; NFIN – нефинитность; NO – косвенная основа номинализации; NOM – номинатив; O – косвенная основа; OBJ – объект; OBL – косвенный падеж; OC – объектно-ориентированная конструкция; PERF – перфект; PL – множественное число; POSS – посессив; POSTV – постверб; PR – посессор; PRF – перфектив; PRG – прогрессив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PTCP – причастие; PV – преверб; Q – вопросительная частица; RE – рефактив/реверсив; REC – реципрок; REL – релятивный показатель; REPORT – репортатив; RFL – рефлексив; RPST – отдаленное прошедшее время; RSN – актантная деривация причины; SG – единственное число; ST – разорванная основа; STAT – статив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов и др. 2008 – В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 2. М., 2008.
- Бижоев 1991 – Б.Ч. Бижоев. Причастие в адыгских языках в сравнительном освещении. Нальчик, 1991.
- Бижоев 2005 – Б.Ч. Бижоев. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2005.
- Герасимов, Ландер 2008 – Д.В. Герасимов, Ю.А. Ландер. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов (ред.). Исследования по отглагольной деривации. М., 2008.

- Гишев 1989 – Н.Т. Гишев. Глагол адыгейского языка. М., 1989.
- Гишев 2003 – Н.Т. Гишев. Сравнительный анализ адыгских языков. Майкоп, 2003.
- Даниэль, Ландер 2008 – М.А. Даниэль, Ю.А. Ландер. О некоторых особенностях относительной конструкции в дагестанских языках // М.И. Магомедов (отв. ред.). Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Материалы Международной науч. конф. 14–16 октября 2008 г. Махачкала, 2008.
- Зализняк, Падучева 1975 – А.А. Зализняк, Е.В. Падучева. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. 1975. Вып. 6. [Перепечатано: // Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35: Opera selecta.]
- Казенин 1997 – К.И. Казенин. Синтаксические ограничения и пути их объяснения (на материале дагестанских языков). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Калинина 2001 – Е.Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- Кибрик 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992.
- Кумахов 1989 – М.А. Кумахов. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989.
- Ландер 2008 – Ю.А. Ландер. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М., 2008.
- Ландер 2012 – Ю.А. Ландер. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2012.
- Ландер, Сумбатова 2007 – Ю.А. Ландер, Н.Р. Сумбатова. Адыгейские отрицания // М.Е. Алексеев (ред.). Кавказский лингвистический сборник. Вып. 18. М., 2007.
- Майсак 2008 – Т.А. Майсак. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М., 2008.
- Майсак 2009 – Т.А. Майсак. Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка) // Н.Д. Арутюнова (ред.) Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.
- Рогава, Керашева 1966 – Г.В. Рогава, З.И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- Andrews 2007 – A.D. Andrews. Relative clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. 2nd ed. V. 2: Complex constructions. Cambridge, 2007.
- Bošković, Lasnik 2003 – Z. Bošković, H. Lasnik. On the distribution of null complementizers // Linguistic inquiry. 2003. V. 34. № 4.
- Comrie 1998 – B. Comrie. Rethinking the typology of relative clauses // Language design. 1998. V. 1.
- Comrie, Kuteva 2005 – B. Comrie, T. Kuteva. The evolution of grammatical structures and 'functional need' explanations // M. Tallerman (ed.). Language origins: Perspectives on evolution. Oxford, 2005.
- Cristofaro 2003 – S. Cristofaro. Subordination. Oxford, 2003.
- de Vries 2002 – M. de Vries. The syntax of relativization. Utrecht, 2002.
- Dekeyser 1986 – X. Dekeyser. English contact clauses revisited: a diachronic approach // Folia linguistica historica. V. 8. № 1.
- Diessel 1999 – H. Diessel. Demonstratives: Form, function, and grammaticalization. Amsterdam, 1999.
- Dixon 2004 – R.M.W. Dixon. The Jarawara language of Southern Amazonia. Oxford, 2004.
- Gippert 2011 – J. Gippert. Relative clauses in Vartashen Udi. Preliminary remarks // Iran and the Caucasus. 2011. V. 15.
- Givón 2009 – T. Givón. The Genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution. Amsterdam, 2009.
- Givón 2012 – T. Givón. Toward a diachronic typology of relative clause // B. Comrie, Z. Estrada-Fernández (eds). Relative clauses in languages of the Americas: A typological overview. Amsterdam; Philadelphia, 2012.
- Haig 2011 – G.L.J. Haig. Linker, relativizer, nominalizer, tense-particle: On the Ezafe in West Iranian // F.H. Yap, K. Grunow-Härsta, J. Wrona (eds). Nominalization in Asian languages: Diachronic and typological perspectives. Amsterdam, 2011.
- Hall, Caponigro 2010 – D.P. Hall, I. Caponigro. On the semantics of temporal *when*-clauses // N. Li, D. Lutz (eds). Proceedings of semantics and linguistic theory (SALT) 20. Ithaca (NY), 2010.
- Harris 2000 – A.C. Harris. Where in the word is the Udi clitic? // Language. V. 76. № 3.

- Harris 2002 – A.C. Harris. Endoclititics and the origins of Udi morphosyntax. Oxford, 2002.
- Hawkins 1999 – J.A. Hawkins. Processing complexity and filler-gap dependencies across grammars // *Language*. 1999. V. 75. № 2.
- Heine, Kuteva 2007 – B. Heine, T. Kuteva. The genesis of grammar: A reconstruction. Oxford, 2007.
- Hendery 2007 – R. Hendery. The diachronic typology of relative clauses. Ph.D. diss. Canberra, 2007.
- Hewitt 1979 – B.G. Hewitt. Abkhaz. Amsterdam, 1979.
- Hewitt 1987 – B.G. Hewitt. The typology of subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin; New York, 1987.
- Hopper, Traugott 2003 – P.J. Hopper, E.C. Traugott. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge, 2003.
- Kazenin 2002 – K.I. Kazenin. Focus in Daghestanian and word order typology // *Linguistic typology*. 2002. V. 6. № 3.
- Keenan 1972 – E.L. Keenan. The logical status of deep structures: logical constraints on syntactic processes // *Proceedings of the 11th International congress of linguists*. Bologna, 1972. [Reprinted: E.L. Keenan. Universal grammar: 15 Essays. London, 1987.]
- Keenan 1985 – E.L. Keenan. Relative clauses // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. V. 2: Complex constructions. Cambridge, 1985.
- Keenan, Comrie 1977 – E.L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and Universal grammar // *Linguistic inquiry*. 1977. V. 8. № 1. [Русск. пер.: Э.Л. Кинэн, Б. Комри. Иерархия именных групп и универсальная грамматика // А.Е. Кибрик (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике.]
- Kurosawa 2003 – A. Kurosawa. The interaction of syntax and pragmatics: The case of Japanese 'gapless' relatives // K.M. Jaszczolt, K. Turner (eds). *Meaning through language contact*. V. 1. Amsterdam, 2003.
- Kuteva, Comrie 2012 – T. Kuteva, B. Comrie. The evolution of language and elaborateness of grammar: The case of relative clauses in creole languages // B. Comrie, Z. Estrada-Fernández (eds). *Relative clauses in languages of the Americas: A typological overview*. Amsterdam; Philadelphia, 2012.
- Lacroix 2009 – R. Lacroix. Laz relative clauses in a typological and areal perspective // P.K. Austin et al. (eds). *Proceedings of Conference on language documentation and linguistic theory 2*. London, 2009.
- Lander 2011 – Yu. Lander. The adrelative genitive in Udi: Syntactic borrowing plus reanalysis // V.S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz (eds). *Languages and cultures in the Caucasus*. München; Berlin, 2011.
- Lehmann 1984 – Ch. Lehmann. Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik. Tübingen, 1984.
- Mithun 2009 – M. Mithun. Re(e)volving complexity: Adding intonation // T. Givón, M. Shibatani (eds). *Syntactic complexity. Diachrony, acquisition, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam, 2009.
- Mithun 2010 – M. Mithun. The fluidity of recursion and its implications // H. van der Hulst (ed.). *Recursion and human language*. Berlin; New York, 2010.
- Nichols 1984 – J. Nichols. Another typology of relatives // *Proceedings of the 10th Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1984.
- Prince 1990 – E. Prince. Syntax and discourse: A look at resumptive pronouns // *Proceedings of the 16th Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1990.
- Schulze 1982 – W. Schulze. Die Sprache der Uden in Norddagestan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden, 1982.
- Serdobolskaya, Paperno 2006 – N. Serdobolskaya, D. Paperno. The polysemy of relativizing and nominalizing markers. Unpublished ms. 2006.
- Shibatani 2009 – M. Shibatani. Elements of complex structures, where recursion isn't. The case of relativization // T. Givón, M. Shibatani (eds). *Syntactic complexity. Diachrony, acquisition, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam, 2009.
- Smeets 1984 – R. Smeets. Studies in West Circassian phonology and morphology. Leiden, 1984.
- Wu 2009 – T. Wu. Relative clause without complementizer in Mandarin, with reference to Cantonese. Paper presented at the 5th International conference on Modern Chinese grammar, November 2009, Hong Kong polytechnic university. Hong Kong, 2009.

Сведения об авторе:

Юрий Александрович Ландер
НИУ «Высшая школа экономики» / Институт востоковедения РАН
yulander@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2013.